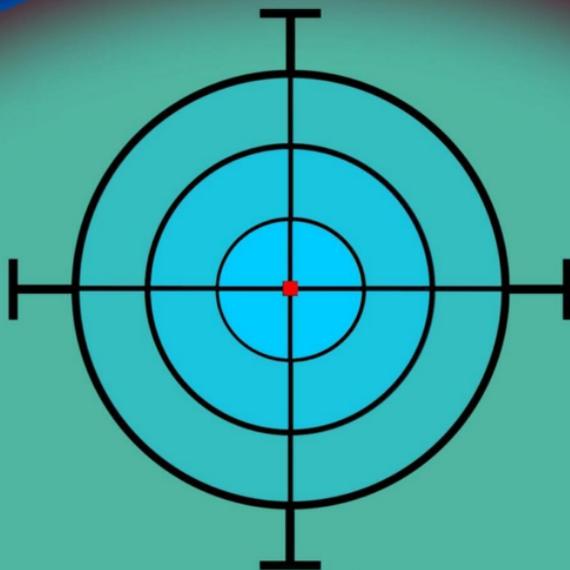

А.Ф. Борун

Не ко двору

2021

Александр Феликсович Борун

Не ко двору

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63739961

SelfPub; 2023

Аннотация

Существует множество попаданческих романов, в которых на попаданца в прошлое возлагается миссия – изменить ход истории. Скажем, ход Первой мировой войны – и, возможно, отменить революцию. Или ход Великой Отечественной – возможно, с улучшением дальнейших перспектив СССР. Естественно, по воле авторов героям это удаётся...

Александр Борун

Не ко двору

Сергею Вепреву по прозвищу Серый Хряк, которое друзья сокращали до «Серый», а враги наоборот, не случилось вырасти добрым человеком. Некоторые люди толстеют в почтенном возрасте, тогда максимум, что могут себе позволить друзья со слишком развитым чувством юмора – это пошутить на тему «хорошего человека и должно быть много». Но участь толстого мальчика незавидна. Не дразнит его только ленивый. А если ещё и фамилия подходящая, попробуй тут не стать мизантропом.

В друзьях он никогда не мог быть уверен. Видел, что они больше заинтересованы в том, чтобы списывать у него домашние задания, чем в том, чтобы захватить его с собой прошвырнуться в кино или на парковые аттракционы. Хотя и его киношные пристрастия не отличались от их, и голова на карусели не кружилась. Разве что на аттракцион «сталкивающиеся автомобильчики его не допускали, ссылаясь на ограничение веса. Но они, очень дружелюбные в классе, почему-то старались «забыть» его предупредить и смывались после уроков со скоростью звука. Гнаться за ними было бы унижительно, да и не догонишь. Окликать и проситься с ними – ещё унижительнее.

Как можно относиться к друзьям, если друг Ондатр, кото-

рый, между прочим, чаще всех списывает математику, увидев в туалете, что враги макают Вепрева головой в унитаз, делает вид, что ничего не заметил и поспешно смывается оттуда? А потом так и не признаётся, что что-то заметил? Хотя это уже понятно, кто же в таком признается. А одноклассница по кличке Нутрия, списав самостоятельную по истории и будучи поймана учительницей, утверждает, что это Вепрев у неё списал, а не она у него. Притом не может ответить ни на один вопрос по теме, тогда как он может. А она смертельно обижается и переходит в лагерь его врагов. А что он должен был делать, врать вместе с ней? Когда учительница уже всё поняла?

В общем, отношение его к друзьям слабо отличалось от отношения к врагам. Что-то вроде затаённого «вы меня ещё узнаете!» или «вы ещё пожалеете», как-то так. Притом он понимал, что вряд ли они узнают и пожалеют. Скорее, он их после школы больше не увидит.

Враги унижали более честно, чем друзья, а учителя, вроде бы одёргивая их, посмеивались сами. Иногда они давали ему советы, как похудеть. Судя по их советам, они были роботами с компьютерами в голове, способными непрерывно оценивать количество съеденных и затраченных калорий, воля их была железной, а чувство голода и лень в какой бы то ни было форме не были им знакомы вообще. Компьютеры в их головах были весьма ограниченными по части сообразительности. Во всяком случае, советчики не подозревали по-

чему-то, что их советы – только неточные и фрагментарные копии предписаний врачей, да ещё и с добавлением ошибок. И если уж врачи не помогали, то зачем позориться непрошеным советчиком? Могли бы догадаться... Впрочем, Сергей, рано ставший циником, подозревал, что советы вызваны не участием, а желанием покрасоваться на его фоне.

Неудивительно, что учился он хорошо, хотя и не по желанию, а по необходимости хоть такого выживания в жестоком детском коллективе, в армию не попал, а выучился на бухгалтера и стал работать по полученной специальности.

Жизнь, вроде бы, наладилась, но Вепрев добрее к людям не стал. Упрощают жизнь и цинизм, и идеализм, но от первого не ожидаешь разочарований. Бухгалтерия была не банкой с пауками, но и дружным сплочённым коллективом её назвать было бы слишком, так что жизненных примеров на поддержание критического отношения к людям, организациям и идеалам хватало.

* * * * *

Поэтому, став попаданцем, Сергей очень удивился. Нет, удивляются все попаданцы, конечно. Даже те, кто очень любит фантастику и фэнтези, кто умеет погрузиться в книгу с головой, забывая вовремя поесть и лечь спать, всё-таки и во время чтения где-то на заднем плане знают, что великолепный мир магии и успеха выдуман, и готовы отложить книгу ради какого-нибудь важного дела (например, сходить в сортир, когда припрёт), чтобы вернуться в выдумку позд-

нее. Оказавшись среди «выдумки» реально, они удивляются – как, параллельные миры, оказывается, существуют?! Круто!..

Но Сергей удивился не только самому факту своего попадания. Тем более что магии/фантастики в новом мире или не было, или была капля. Нет, две капли. Одна – то, что он оказался в теле двадцатилетнего спортсмена, кандидата в мастера спорта по стрельбе, по имени тоже Сергей, с подходящей фамилией Стрельцов. И, кстати, с нормальной спортивной фигурой, ничуть не толстого. Что хорошо. Что плохо – накануне Великой Отечественной...

Вторая капля фантастики касалась его способностей стрелка. Сергей не знал, были ли они уже у Стрельцова, тело которого он занял, или появились у него только в процессе переноса в параллельную реальность (или в прошлое?). Были, так сказать, приданы ему как некий необходимый бонус, без которого герою не справиться с его героической миссией. Как бы то ни было, его способности стрелка на несколько порядков превосходили всё, что он всегда считал возможным. Окружающие имели такие же, как у него, обычные представления о метких стрелках, то есть – дело было не в том, что в данном мире с этим обстоит как-то иначе, чем в прежнем. Так что он сразу решил свои способности на всякий случай скрывать. По возможности. Соревнования небольшого ранга выигрывал, на крупных старался оставаться вне призовых мест, хотя и близко к ним. Числился подающим надежды, но

не очень удачливым спортсменом. А тут война...

Больше всего Сергей удивился выбору неведомых сил. Почему он? Зачем ему спасать новую историческую общность – интернациональный и перед лицом испытаний дружный советский народ – от другой новой исторической общности – сверхчеловеческих (в своём воображении) арийцев? Евреев от немцев? Коммунистов от фашистов? Сталина от Гитлера? Будучи циником и пессимистом по отношению к окружающим, не ожидая от них для себя ничего хорошего, тем более он без всякого почтения относился к провальному социальному эксперименту, каким был СССР. Так с какой стати его сюда поместили, причём непосредственно перед войной, снабдив спортивной специальностью, которая была, по сути, военной?

Впрочем, гадать, как поступать в такой ситуации, не приходилось: как только фашисты напали (насколько он мог судить, точно так же, как в его прежнем мире), его мигом призвали в армию и отправили на фронт. Учитывая спортивную специализацию, снайпером. На фронт он прибыл в конце июля, в разгар Смоленского сражения. Началось оно десятого июля и продолжалось, сколько Сергей помнил, два месяца, Немецкие танки ворвались в город шестнадцатого (в памяти маячила фамилия Гудериан, но в новостях этого не было), и в городе завязались упорные уличные бои, через три дня немцами была захвачена Ельня к юго-востоку от Смоленска, устроив обороняющимся советским войскам опера-

тивное окружение. За три дня до уличных боёв в Смоленске началось наступление советских войск на Бобруйск, южнее Смоленска, с целью выхода в тыл наступающему противнику. Однако через несколько дней командование группы армий «Центр» поспешно перебросило на угрожаемое направление пехотные соединения. Наступление было остановлено. Вот в это время и место он прибыл. Сколько помнил Сергей, Смоленскому сражению оставалось продолжаться весь остаток лета и закончиться нашим поражением в начале осени. Что касается Бобруйска, отбить его у немцев не удалось. Удалось только задержать немецкое наступление. Возможно, из-за этого немцы оказались под Москвой в зимние морозы и потерпели первое значительное поражение в Великой Отечественной. Похоже, какие-то высшие силы решили нашим помочь переломить ход войны ещё раньше. Для чего с какой-то радости выбрали героем его. Вот спасибо!

Интересно, у немцев тоже есть такие попаданцы со сверхспособностями? Если есть, наверняка придётся столкнуться. В «Илиаде» разные боги помогали разным героям греков и троянцев. А то и сами выходили на поле боя. Какому-то герою Афина помогла ранить бога войны Ареса, и он отправился жаловаться папаше, а тот его только отругал за кровожадность. Кажется, так. Не хотелось бы встретиться с Аресом теперь. Впрочем, если попасть ему на расстоянии как белке в глаз, наверное, тоже отправится лечиться. Но, скорее, просто не станет рисковать. Одно дело – поучаствовать

в битве с холодным оружием, другое – с огнестрельным. Как говорится, Бог создал человека, а полковник Кольт сделал людей равными. Правда, его же собственный снайперский талант показывает, что это не так...

* * * * *

Войдя в землянку в три наката под сгоревшей сосной, указанную ему как штабную, Сергей не сразу нашёл, кому докладывать о прибытии. Керосиновая лампа, видимо, погасла, и только бьющийся в тесной печурке огонь бросал неверные красные, иногда жёлтые отсветы на обстановку. Ворвавшийся с вошедшим морозный воздух перемешался с местным, стало жарко, запахло дымом и потом. Через некоторое время глаза привыкли, и Сергей увидел, что комполка, которому он собирался докладывать, спит, сидя за столом, уронив голову на руки. Судя по тому, что на столе были не карты, а кружка и миска с торчащей из неё ложкой, ему давно уже не приходилось не только нормально поспать, но и нормально поесть.

Петлиц формы сидящего Сергей не видел, но рукав напротив печки был освещён достаточно, чтобы различить на нём два угольника. Он мог бы определить, были ли они шириной четыре или шесть миллиметров, но не стал напрягать зрение: расстояния между угольниками определённо подходили на десять миллиметров гораздо больше, чем на пять. Таким образом, это был, по крайней мере, не лейтенант, а капитан, майор или подполковник. В зависимости от коли-

чества прямоугольников в петлицах. Которых не видно. Но точно не полковник – у того было бы три угольника на рукаве. К счастью, знание об этом досталось Сергею вместе с чужим телом, а то могли и за шпиона принять. Кто же не знает званий РККА? Только немецкий шпион. Вообще-то полком, вроде, полагается командовать полковнику, но убыль командного состава... Да и полк после месячного отступления мог сократиться в количестве до батальона, а то и роты... Так что Сергей не удивился бы даже капитану в роли командира полка.

Как-то это нехорошо символично получается, что его прислали неведомо к кому в подчинение. Хорошо ещё, участок фронта обозначили. Хотя и это, понятно, военная тайна, но чтобы отправить его совсем уж неведомо куда, пришлось бы давать сопровождающего, которому место назначения сообщить. Какой смысл? Впрочем, в наличии у военных логики Сергей и так не был уверен. То есть, понятно, какая-то логика у них есть, но она в любой момент может быть отменена действием какого-нибудь нелепого пункта устава, или нелепого приказа некомпетентного вышестоящего командира.

Сергей шагнул было ближе к столу, но приложился коленом о невидимую в темноте лавку, стоявшую перед ним, да так, что, не сдержавшись, обозвал её собакой. Правда, не в полный голос. Но матерно. Спящий не среагировал ни на стук, ни на матерную собаку. Сергей попятился и вылез из землянки.

– Ну, что приказал товарищ майор? – спросил приведший его к штабной землянке вестовой, сержант Александров.

– Спит он, – не скрывая небольшой досады, сказал Сергей. (Майор, не капитан, – отметил он про себя. – Похоже, полк, в который его направили служить, всё-таки остался побольше роты, хотя и поменьше батальона. Надолго ли?.. Это если судить по званию командира). – Да погоди ты! – остановил он помыкнувшегося было влезть в землянку сержанта. – Пускай спит! Доложу о прибытии чуть позже. Ты бы лучше показал мне, куда вещи кинуть, а потом – место, откуда лучше всего на позиции немцев глянуть. Через оптический прицел. – Он коснулся сперва лямки вещмешка – вещи, которые кинуть, потом приподнял длинный чемоданчик с винтовкой.

Сергею не терпелось получить подтверждение, правильно ли он ощутил свою миссию. Хотя он ещё не решил, будет ли её выполнять. Зачем? В конце концов, он не единственный на фронте снайпер. Можно и не выделяться на общем фоне.

– Мне не положено, я при нём, – кивнул на штабную землянку сержант, – когда спит, тем более. Но я тебя, товарищ снайпер, тогда сейчас к замкомполка провожу. Ему предварительно и доложишь, и дальше он обо всём распорядится. – И он полез в соседнюю землянку, побольше, в которой, видимо, рассчитывал найти заместителя командира полка.

* * * * *

Через десять минут Сергей уже рассматривал позиции немцев, лёжа в неглубоком окопе чуть ниже верхушки хол-

ма. Пока не в прицел, а в стереотрубу, перископы которой маскировались стоящим впереди кустом. Хотя и голые ветки, а всё-таки прикрытие. Видно было очень хорошо: его суперснайперские способности подсказывали, что вон тот приглушённый отблеск – не каска солдата, а маленький кусок брони чуть-чуть недоукрывшегося за холмом танка, причём судя по изрытой земле рядом, он там далеко не один, и даже можно себе представить, как они там разместились... А вон тот маленький кубик у другого холма – стоящие друг на друге три прямоугольных ящика со снарядами, и, опять-таки, понятно, что за холмом – позиция артиллерийских орудий, и примерно понятно, как они там могут быть расставлены, учитывая особенности местности и позиции войск, а непосредственно вплотную к тем ящикам есть и другие, которых за холмом не видно, но если грохнуть эти, остальные детонируют, и мало фашистам не покажется...

Было бы ещё лучше рассматривать всё в одиночестве, но сопровождавший его комвзвода младший лейтенант Богданов, молоденький парнишка, наверное, только что с сокращённых командных курсов, уходить не собирался. Война ждать не любит, и замкомполка капитан Владимиров распорядился приписать прибывшего к взводу Богданова (от которого осталось бойцов на полтора отделения), разместить и немедленно отправить на позиции, а доложить комполка майору Глебову потом.

Но лейтенант мучился неполным соответствием распоря-

жения уставу и решил приглядеть за непонятным новичком сам. Ишь ты, суп жрать отказался, подавай ему немцев скорее! Ещё не известно, чьи позиции он станет рассматривать и кому потом про них докладывать! Меж тем присутствие рядом шумно дышащего, а иногда и громко чихающего и сморкающегося парня отвлекало Сергея и не давало развернуться его интуиции в полной мере. Он это чувствовал, и злился на недоверие, но просить младшего лейтенанта отодвинуться подальше не стал. Это только ещё больше усилило бы его манию, и он стал бы приглядывать за ним с удвоенным старанием. Когда Сергей читал о шпионии в СССР в своё время, как о событиях прошлого, он мог цинично усмехаться; оказавшись теперь среди людей, искренне веривших в наличие тех самых шпионов, или, во всяком случае, очень старательно делавших вид, что верят, усмехаться или ещё как-либо выражать неверие было бы крайне неосмотрительно.

Подумав, Сергей не стал делиться с комвзвода своим мнением, что немцы, судя по наличию танков близко к передовым позициям, готовятся к наступлению. Во-первых, это было всем очевидно и без рассматривания немецких позиций: немцы с начала войны либо готовились к наступлению, либо наступали, обороняться им приходилось очень мало. Хотя как раз на этом участке фронта, южнее Смоленска, они до сих пор именно оборонялись. Во-вторых, показать Богданову замеченные им признаки он не сможет, и будет принят за

фантазёра и враля. В-третьих, если он постарается, наступление может отодвинуться, тогда и ход последующих событий не докажет его правоту. Лучше завоёвывать репутацию постепенно.

– Товарищ комвзвода, – сказал он. – Разрешите попытаться устроить немцам маленький сюрприз?

– Какой? – подозрительно спросил Богданов.

– Вижу там не очень хорошо замаскированный боеприпас, скорее всего, артиллерийский. Может, удастся взорвать.

– Что-то я ничего такого не вижу, – засомневался младший лейтенант, который только половину времени наблюдал за Сергеем, а другую половину – старался в свой бинокль увидеть, куда именно Сергей смотрит в стереотрубу. Дохлый номер, между прочим. Куда биноклю до стереотрубы. – Покажите мне!

Сергей повернул стереотрубу так, чтобы снарядные ящики были в центре её поля зрения, и уступил место Богданову. Но тот, даже после подробного описания («между верхом чёрной печной трубы, что на месте сгоревшей избы, она чуть левее и ниже цели, а на самом деле ближе к нам, и границей между стволом и кроной дуба, что чуть правее и выше цели, он дальше от нас, и труба, и дуб близко к перекрестью, а цель вплотную к нему, но на волос вправо и вверх, а то бы перекрестье её полностью закрыло») увидеть цель не смог.

– Брешешь ты, товарищ Стрелков, – сказал он наконец. – Или фантазируешь. Допустим, ты снайпер, а я нет. Но чтоб

ты попал в цель, которую я и увидеть не могу... Притом ты будешь в прицел её выцеливать, а не как сейчас, в стереотрубу...

– Ну, не попаду – значит не попаду, – сказал Сергей. – Потрачу зря один патрон. Жалко, но не смертельно. Зато, если попаду, немцы потратят не один снаряд. И вы, товарищ комзвода, сразу увидите, что это вполне возможно. Ведь так?

– Так-то оно так, но может влететь от майора, – засомневался Богданов. – Обстрел позиций противника без приказа начать активные боевые действия, при неготовности к ним состава подразделения...

Как бы опровергая свои слова о неготовности, он почти кричал: как раз в это время постоянная фоновая перестрелка слегка усилилась. Или приблизилась.

– А эти как же? – удивился Сергей, кивая на позиции полка, от которых доносились не только отдельные выстрелы, но и очереди – похоже, в перестрелку включился и пулемёт. Артиллерия, правда, громыхала подальше, возможно, не их полка.

– Какие ещё «эти»? – не понял Богданов. Голос он повышал машинально, а стрельбу не замечал. – Ах, эти! Ну, они просто отвечают на беспокоящий огонь противника в штатном режиме. Это не требует доведения до внимания комполка. А вы хотите большего.

– Так ведь и в штатном режиме любой может случайно попасть в снарядный ящик, – возразил Сергей. – Да немцы

вообще могут сами нечаянно подорваться на своих снарядах.

– То есть вы предлагаете мне, в случае вашего успеха, о нём умолчать?!

– На ваше усмотрение, – сказал Сергей. – Зачем хвастать, если за это влетит?

– То есть вы меня подбиваете на обман командования?..

* * * * *

От капитана Владимирова и майора Глебова влетело обоим. От проснувшегося, но не выспавшегося майора комвзвода Богданов получил приказ проявлять больше инициативы и не беспокоить начальство по пустякам, то есть, видимо, ему следовало разрешить Сергею стрельнуть. Но капитан приказал ставить начальство в известность обо всяких экспериментах и не производить их без разрешения. То есть и на позиции не надо было Сергея водить. При том что сам же он разрешил это сделать. Сергею было приказано проявлять инициативу – давно бы стрельнул, что тут вообще спрашивать. Немцев, что ли, пожалел? Это, как ни странно, не от майора, а от капитана. Майор велел держаться скромнее и не хвастаться заведомо невозможными умениями.

Сергей в бутылку не полез, отстаивать свою правоту не стал, говорил только «так точно» и «никак нет». Но в результате дискуссии между комполка и замкомполка к стереотрубе, пригибаясь, по ходу сообщения почапали все четверо. Сергей убедился, что немцы не переставили ящики, и попытался показать их начальству. Начальство ящиков не увиде-

ло, точно так же, как комвзвода. Грязные серые ящики на фоне серой грязи. Торчащие примерно на треть своей длины сбоку от серого бруствера. Да и эта треть была частично заслонена кустом. Это описание немного примирило майора и капитана с тем, что они не в состоянии соревноваться зоркостью со снайпером. Иначе зачем он вообще был бы нужен?

– Ну ладно, – сказал, наконец, майор Глебов. – Допустим, ящики со снарядами там есть. Как вы собираетесь их взорвать?

– Разрешите для пояснения анекдот? – спросил Сергей.

– Давай, – улыбнулся окончательно проснувшийся майор.

– Идёт мобилизация в фашистскую армию, а воевать немцам не хочется, – начал Сергей. На самом деле во вспомнившемся советском анекдоте речь шла о призыве в армию советскую, но во время войны такой анекдот не так поймут. – Зайца не взяли, и волк интересуется у него, как ему удалось... – Слово «откосить» Сергей употребить не решился – вдруг оно появилось позже? А персонажи волк и заяц, скорее всего, появились в анекдотах после мультика «Ну, погоди!». Так что это уже само по себе анахронизм. Или новаторский художественный приём. Впрочем, могло быть и наоборот, сценаристы сосредоточились на этих персонажах, потому что они были героями анекдотов. – По зрению не взяли, – объясняет косой. – Как это? – удивляется волк. – Сейчас покажу, – говорит заяц. – Видишь вон там, на поляне, пенёк? – Вижу, – говорит волк. – А на пеньке гриб растёт? – Вижу

гриб. – А на грибе муха сидит? – Кажется, и муху различаю. – А у неё глаза такие синенькие? – Ну, нет, глаз у мухи не вижу! – говорит волк. – Ха! А я и пенька не вижу!

Никто не засмеялся, так, слегка улыгнулись. Как-то на войне не до смеха. Особенно в отступающей армии, несущей большие потери. Пусть даже в её наступающем подразделении. Впрочем, не наступающем, а наступавшем – и упёршемся в плотную оборону противника.

– Так вот, – продолжал Сергей, не дожидаясь вопроса, как этот анекдот поможет ему объяснить своё намерение стрелять по ящикам, – Это те самые синенькие глаза мухи. Вы и пенька, то есть ящиков не видите, а я прикидываю, как в них расположены снаряды, и куда должна попасть пуля, чтобы угодить во взрыватель. Не верите? Легко проверить. Разрешите мне выстрелить, и убедитесь.

Сергей, раз уж командиры сочли, что главная трудность в том, чтобы увидеть цель, оставил их в этом заблуждении. Не то пришлось бы рассказывать, что главное, всё-таки, в неё, замеченную, попасть. Для чего нужно очень точно видеть не только цель, но и куда попадёшь. А тут Сергей и сам не мог сказать, как он это видит, или, точнее, чувствует. Интуиция работает, а он даже не знает, на каких данных основан его подсознательный расчёт. Определённо он учитывает характеристики патрона и пули, потому что перед тем, как зарядить винтовку, ему нужно патрон пощупать, покачать его, взяв самыми кончиками пальцев, и ставить на место

в определённом положении – в том, в котором держал. После чего он понимает, что точка, куда он попадёт, чуть-чуть не там, где перекрестье прицела. Но это «чуть-чуть» на расстоянии выстрела, между прочим, превращается в несколько сантиметров! Возможно, играет роль и погода: ему всегда перед выстрелом необходимо глубоко вдохнуть и почувствовать воздух, от температуры и плотности которого, разумеется, зависит настильность траектории пули. Это два фактора, о которых он по крайней мере догадывается, а ведь есть, наверное, и другие. Но излагать всё это? Нет уж. Конечно, не средневековье, в колдовстве не обвинят и на костёр не потащат. Но хвастуном и мистиком сочтут. Так что он ограничился своими способностями хорошо видеть, а всякую кинестетику оставил за кадром. Не стал он рассказывать и о том, как усовершенствовал обычные пули, забив в свинец патефонные иглы, тщательно соблюдая их положение на оси пули. Ювелирная операция, хоть и производится молотком. Запас патефонных иглолок составлял больше половины веса его вещмешка: вряд ли их удалось бы раздобыть на фронте. Патроны для винтовки дадут, надо надеяться... Тему повышенной пробойной силы своих пуль он оставил на случай, если в будущем возникнут вопросы.

На майора ожидающе уставились три пары глаз, и он оказался в положении атеиста, которому предлагают эксперимент, который позволит ему убедиться в существовании Бога. Скажем, некий сибирский шаман предлагает отложить на

десять минут разжигание костра, коим он обычно выманивает на небо солнце по утрам. Дескать, тогда и солнце на десять минут позже встанет. При этом атеист понимает, что солнце и так может встать на десять минут позже, чем вчера, ведь длительность дня как раз уменьшается. Допустим, дело происходит осенью. Но объяснять это шаману – безнадежное дело. Какой ещё наклон земной оси по отношению к плоскости орбиты, когда шаман уверен, что мир делится на верхний, средний, в коем мы обретаемся, и нижний, и более во вселенной ничего нет? Не очень-то совместимы картины мира. А если откажешься от эксперимента – выйдет, что признал правоту шамана... В данном же случае майор, скорее всего, опасается, что взрыв произойдет по какой-либо случайности – мало ли на фронте взрывов? – а хвастливый снайпер припишет его себе... Всё же майор согласился, но потребовал выстрела по его команде.

Сергей вынужден был возражать. – Так снайперский выстрел не делается, – доказывал он. – Надо очень медленно и плавно тянуть за спусковой крючок, а по команде получится резко. Совсем слабый толчок – и мимо. Расстояние большое, на пределе возможности...

– То есть вы, товарищ снайпер, заранее готовите себе оправдание, на случай, если не выйдет? – издевательским тоном спросил подозрительный младший лейтенант.

Сергей, наконец, обиделся. – Я, конечно, хочу бить фашистов согласно всех своих возможностей, – сказал он, – но я

не настолько о себе много полагаю, чтобы считать, что я хочу этого больше всех советских людей. В частности, я только прибыл, а у вас к фашистам свои счёты. Можно сказать, личные: у вас товарищи гибли в сражениях. Так что в желании взорвать вражескую батарею я никак не могу вас обогнать. И по званию вы все меня старше. Если у вас есть какие-то, например, тактические соображения, почему её взрывать сейчас не надо, я молчу. Может, чтобы не насторожить фашистов в данный момент времени? Я не понимаю, зачем таким окольным способом мне запрещать стрелять, столько слов тратить. Приказали бы заткнуться, и всё.

– Так ты что, хочешь нас, может, обвинить в том, что мы фашистов жалеем?! – возмутился младший лейтенант. – Может, ты нас вообще немецкими шпионами всех считаешь?! Вы поглядите на него! Только прибыл...

– Никак нет! – сказал Сергей. – Ни в чём никого не обвиняю, и никем не считаю. Я же сказал про тактические соображения. Зачем вы мне, товарищ комвзвода, приписываете, чего я не говорил?

– Не говорил, так собирался!

– Никак нет, не собирался!

– Не собирался, потому что уже и так намекнул!

– Вы меня, товарищ комвзвода, давеча в фантазиях обвиняли, ну, по поводу что я вижу в стереотрубу, но у вас фантазия так развита, что вы мне фору ферзя дадите! Всё-то вы знаете, что я думал, на что намекал, что сказать хотел и в чём

вас обвинить собирался! Другой бы подумал, у вас совесть нечиста! Потому и столько подозрений на пустом месте! Но я так не подумаю, конечно. Просто характер у вас такой, подозрительный. Товарищ майор! Разрешите подать рапорт о переводе в другой полк, в котором снайпер нужнее!

– Мы ещё не знаем, какой ты снайпер, – возразил примирительно майор. – Вот докажешь, что хороший, так нам и самим пригодишься.

– Так как же я докажу, если вы не даёте разрешения?! Определили во взвод к недоверчивому командиру, он только нервы мотает, у меня, может, руки трястись начнут...

– Помолчи-ка, – сказал майор, – пока лишнего не наговорил. Нервный какой... – Видя, что он задумался и, во всяком случае, не собирается, вроде, применять к не соблюдающему субординации рядовому дисциплинарных мер, значит, возможно, склоняется на его сторону, замолчали все. Ответственность так и так на старшем в цепочке командования. – Ладно, – соизволил, наконец, согласиться майор, – стреляй без команды. Сейчас как раз, вроде, затишье. Но постарайся управиться поскорее. Всё равно я сомневаюсь, даже если ты видишь цель, что у тебя получится. Пока пуля ящик пробивает, отклонится чуток, и как она тогда попадёт во взрыватель снаряда?... Ладно-ладно, я не спрашиваю. Уверен – стреляй. Хватит разговоров.

Батарею Сергей взорвал. А потом ещё три танка в разных местах. У одного от детонации боезапаса даже башню со-

рвало, и майор увидел это в стереотрубу. От остальных было только видно, что что-то взрывается. Всякий раз Сергей сперва помещал цель в перекрестье стереотрубы. И все четыре раза никто, кроме него, цели в трубу так и не увидел...

Эти три танка были развёрнуты пушками сюда, – пояснил Сергей, – и у них на всякий случай уже были в стволе снаряды. В них я и стрелял. Тут хорошо то, что совсем уж точно сюда ствол не должен быть направлен, достаточно приблизительно в этом направлении. Радиус ствола танковой пушки... ну... пускай четыре с половиной сантиметра, длина, скажем, пятьсот тридцать сантиметров... соотношение около сотни... значит, при отклонении на одну сотую радиана, то есть где-то полградуса, можно попасть даже без рикошетов. С одним рикошетом внутри пушки возможное отклонение втрое больше, почти два градуса... Танков я вижу ещё много... сейчас... штук сорок, с разной степенью достоверности. Все, кроме этих трёх, неудобно стоят. Но это ничего. Стоит им поползти к нам, и они, как миленькие, свои хоботы сюда повернут. Тут я их и подкараулю. Судя по сосредоточению танков на переднем крае, фашисты собирались вот-вот попробовать нашу оборону. Но могут теперь чуток задержаться, если их обеспокоили эти взрывы четырёх танков и артиллерийской батареи. Хм, если это батарея – честно говоря, пушек я не видел. Мог быть какой-то промежуточный пункт перегрузки снарядов. Подвезли, а дальше хотели по батареям развозить. Больно сильно рвануло –

неужели для одной батареи столько? В общем, не уверен, что хоть какие-то пушки там рядом были. Что жалко. Зато снарядов у них, возможно, теперь дефицит. Пока ещё подвезут, время пройдёт. – Удивительно, как действует успех. На протяжении всей этой длинной речи три командира почтительно внимали рядовому. В конце концов он спохватился и сам прекратил изрекать мудрые мысли. Добавил только, что просит разрешения посмотреть в стереотрубу с других позиций, где при обнаружении доступных для поражения танков, то есть – с направлением ствола в сторону наблюдателя – их отстреливать. В случае же массового выполза танков для атаки перемещаться по ходам сообщения с расчётом оказаться примерно там, куда направлены их пушки и продолжать отстрел. Хорошо бы сделать это после начала их движения, но до начала ими стрельбы. Может, у них будет период выдвижения на позиции...

Разрешение на всё это он немедленно получил. А подозрительный Богданов получил приказ прекратить таскаться за снайпером и заняться своими делами. Но подозрительных фактов он в свою копилку явно успел добавить. Хотя бы подозрительное знание снайпером размеров таковой пушки немецкого танка с подозрительной точностью. На самом деле точность была довольно прикидочная. Во-первых, диаметр 8,8 см и длина 531,6 см (Сергей округлил: если бы он привёл эти цифры, точно сочли бы шпионом) были параметрами пушки немецкого «тигра», который ещё не был разработан

и на фронте оказаться не мог. Но Сергей прикинул, что для такой прикидки углов поражаемости сойдёт. Если сейчас у танков пушка поменьше, так у неё одновременно и длина меньше, и калибр...

* * * * *

Соображения о дефиците снарядов и задержке начала немецкого наступления оказались ошибочными. Оно началось в тот же день. То ли взорванные боеприпасы, несмотря на мощность взрыва, были только небольшой частью их запаса, и это вообще не повлияло ни на что. То ли немцы мгновенно восполнили потери. То ли наоборот, не рассчитывая получить новые снаряды в ближайшее время, тот, кто отвечал за наступление, просто сократил артподготовку, чтобы не получать пистон от начальства. В итоге, прогулка по позициям со стереотрубой продолжалась всего два часа: четыре точки наблюдения, на каждой по полчаса, количество выявленных уязвимых танков три плюс ноль плюс два плюс один, количество поражённых на один меньше: он как раз начал двигаться, пока Сергей поменял стереотрубу на винтовку.

Двигаться танк начал не просто так: это и было начало атаки. Артподготовка, если и была, прошла как-то незаметно на фоне постоянной активности фронтовой артиллерии. Возможно, немцы на то и рассчитывали – внезапный удар эффективнее. Но тут им не повезло: Сергей оказался как раз именно там, куда полезло большинство наступавших фашистских танков – на левом фланге позиций полка, вплот-

ную к стыку с соседями. Любимый тактический приём немцев: разведать стык подразделений и бить туда, чтобы каждое, приняв атаку на чужой счёт, отошло поближе к своему центру – пускай, де, соседи обороняются, а мы придём на помощь, если будет приказ. Сергей же только обрадовался. Он уже устал высматривать танки, направившие пушку в его сторону, а тут сразу штук двадцать мишеней! Или больше?

По крайней мере, «своих» сгоревших танков он успел насчитать восемнадцать (плюс в полосе наступления было три штуки, сожжённых не им), остальные поспешно уползли, обнаружив, что по ним работает непонятно как укрывшаяся батарея, поражающая танки один за другим и никак не обнаруживающаяся при этом сама. Скорее всего, что-то крупного калибра вне поля зрения с корректировкой фронтовым наблюдателем по радиации или проводному телефону. Они никак не могли подумать, что им могут быть опасны выстрелы его винтовки. Кроме того, из винтовок стреляли многие: кроме танков, была поддерживающая их пехота, которую наши пытались огнём отсечь от танков и заставить залечь. На восемнадцать танков Сергей истратил сорок патронов: не всегда в стволе как раз находился снаряд, да и попадал он в движущиеся мишени не всегда. Он мог с достаточной точностью оценить направление и скорость смещения мишени в поле зрения – в данном случае, дульного среза ствола танкового орудия – но не мог предугадать случайную кочку, как раз попавшую под гусеницу и на пяток сантиметров перекосившую

танк. И потом, панки тоже стреляли, стреляла немецкая пехота, в общем, обстановка была нервная. Не такая нервная, как когда тебя обвиняет невесть в чём твой же командир, но всё-таки.

Один выстрел имел очень интересный результат: видимо, танк как раз стрелял тоже, и его снаряд встретился с пулей Сергея, когда находился в середине ствола. Сам танк почти не пострадал, но его пушка превратилась в несколько причудливо растопыренных полос металла. Стрелять этот осьминог мог только из пулемёта. Добить его, попав в очередной снаряд, Сергей не мог: танкисты не стали заряжать изуродованную пушку. Хотя добить очень хотелось: вернись этот танк из атаки, и немцы мигом поймут, что с ним случилось. Могут, конечно, списать на случайность, но могут и догадаться о наличии слишком меткого снайпера. Начнут его выцеливать специально, своих снайперов для этого привлекут. А оно нам надо? К счастью, Сергею удалось пробить триплекс и, видимо, попасть в водителя. На это он потратил три патрона. А когда танк развернулся и стал отползать – видимо, на место водителя сел кто-то ещё – кто-то из наших, не Сергей, поджёг ему баки с горючим. Сергей даже не заметил, кто и из чего стрелял. А когда экипаж полез из танка, Сергей не пожалел ещё патрона, чтобы убить первого появившегося из люка танкиста. Остальных он бы не успел – снайперка не так быстро перезаряжается. Но их положили другие. Так что опасная информация о странном повреждении пушки до

немцев не дошла. Если они не ухитрились доложить её по рации...

Отползавшие танки, не все, но многие, развернули башни пушками назад и продолжали стрелять. Сергей продолжал тоже. Из восемнадцати «его» танков восемь пострадали именно на этой стадии боя. Один танк, с номером 66, был как заколдованный: целил он чуть ли не прямо в Сергея, наверное, подозревая почему-то, что именно там находится мифический корректировщик огня артиллерии крупного калибра. Может, уловил блеск оптического прицела и принял за бинокль? Хорошо ещё не сразу начал гвоздить именно по его окопчику, только уже уползая. Сергей извел половину патронов именно на него. Но никак не мог подловить момент между заряданием снаряда и выстрелом. Он бы, может, и попал в конце концов, но фашист успел первым. Один из его снарядов разорвался прямо в окопе. В него не попал ни один осколок. Взрыв был в отнорке, как бы за углом, но, в принципе, небольшой слой земли этого «угла» осколку пробить – раз плюнуть. Очень повезло. Но сознание Сергей потерял. Контузия.

* * * * *

Так ему сказали в полевом лазарете, когда он очнулся. В тыл переправлять не стали. Военврач Жданов-Желанов (он представился) поводит перед глазами пальцем, спросил, не тошнит ли, а узнав, что даже голова не болит, сказал, что контузия лёгкая, но на всякий случай сегодня надо полежать,

не вставая. Да, даже в туалет нельзя, сестра утку принесёт. Зато, возможно, завтра уже можно будет встать в строй. Сергей решил не бунтовать.

Тем более, медсестра Екатерина Егорова в полевом лазарете оказалась симпатичная, полные брюнетки с еврейско-грузинско-персидско-итальянской внешностью Сергею всегда нравились. В смысле именно внешности, до выяснения особенностей характера дело не доходило. В школе девочки больше симпатизировали тем придуркам, что его травили, он в ответ пылал соответствующими чувствами. А позже он вообще к людям плохо относился. В том числе относительно женского пола охотно разделял сексистские стереотипы, хотя исповедовавшие их блогеры у него тоже уважения не вызывали. Такой вот парадокс мизантропа. Но к старательно ухаживающей за тобой девушке трудно относиться плохо, даже если она делает это в связи с профессиональными обязанностями. Тем более, если симпатизирует успешному прославиться в местном масштабе снайперу. Взаимоотношения с ней от стадии дикой неловкости (утку-то она подставляла) за день дошли до лёгкого флирта. Сергей в шутку называл её «Ваше величество» и сокрушался, что не может пасть к её ногам – пришлось пояснить, что он вдохновился образом царицы Екатерины (номер II он в описании опустил – не к лицу советскому человеку знать детали царствования монархов прошлого). Если бы она спросила, он бы ответил, что ему импонирует то, что при ней Российская

империя расширялась, на самом же деле он имел в виду её большой список фаворитов и щедрость по отношению к ним. Но шутка получалась неприличной, и этого он упоминать ни в коем случае не собирался. Как и усиление несправедливо-го крепостного строя. И то, что она была, собственно, немкой – тем более! А вот переписку с французскими философами-просветителями упомянуть можно было. Но Екатерина (не Вторая, а местная) тоже считала, что интересоваться царицей неправильно. С неё хватило, что собеседник как бы поставил её этим сравнением на высокий пьедестал, хотя и несколько нетрадиционным в СССР способом. Более того, выбранный комплимент показывал, что он ей доверяет. На самом деле это было не доверие, а глупость с его стороны: так и не привык к царившей в этом времени в СССР шпиономании. Да и соображал после контузии плохо.

К особистам медсестра не побежала, но и дальше лёгкого флирта отношения за день не продвинулись. Хоть тут и фронт. Вообще-то они и общались не очень-то долго и урывками. Под её присмотром ещё четверо легкораненых было, в том числе, двое в этот день появились. Плюс шесть человек с более тяжёлыми ранениями прошли через фронтной лазарет перед отправкой в тыловой госпиталь, и она ассистировала врачу при первичной обработке их ран.

Может, Жданов-Желанов его и на второй день оставил бы, но немцы опять попытались переломить ход боевых действий в свою пользу. А наши ещё не накопили дополнитель-

ных сил на возобновление наступления. От майора Глебова прибежал всё тот же вестовой, сержант Александров: снайпера, умеющего подбивать немецкие танки, срочно требовали на передовую. Если он в состоянии стрелять. Если при этом не в состоянии ходить – ничего, дотащим как-нибудь...

И снайпер потащился воевать. Как он позже узнал, это избавило его от больших неприятностей. Впрочем, временно.

* * * * *

К танкам на этот раз прибавились самолёты. Пикирующие бомбардировщики. Собственно, полное господство в воздухе немцев с начала войны за месяц никуда не делось, но к прошлой атаке их почему-то не привлекали. Возможно, танкисты, прибывшие в стрелковые части для перехода в наступление, недооценили противника – зачем тут ещё и самолёты, если у советских войск и пушек почти нет? – поплатились за это, и теперь сделали выводы. Приняли, скорее всего, действия снайпера за батарею тяжёлых гаубиц, и их-то и должны были уничтожить самолёты. Удар в полосе обороны полка, в который направили Сергея, наносился опять на левом фланге. Но танки там появились не сразу. Только после основательной бомбардировки.

Не обнаружив мифической батареи тяжёлых гаубиц, «юнкерсы», которые не успели сбросить одиночные тысячекิโลграммовые бомбы под фюзеляжем, улетели с ними на аэродром, где сменили на двухсотпятидесятикิโลграммовые плюс по четыре пятидесятикิโลграммовых бомбы под

крыльями. И принялись уютить окопы полка. Истратив боезапас, летали на аэродром для пополнения и возвращались очень скоро. Неубирающиеся шасси, за которые у нас их прозвали лапотниками, позволяли им взлетать с импровизированного аэродрома, расположенного где-то близко к линии фронта. Поэтому всего десять «штурк» (нем. Stuka = Sturzkampfflugzeug – пикирующий бомбардировщик) выстроились в практически непрерывный завывающий смертельный конвейер. То есть, их, конечно, было не десять, но этим десяти была поручена линия фронта на протяжении позиций полка. Сбросив с ужасающим воем все бомбы, они, перед тем как улететь за новыми, проходили над окопами, поливая их из пулемёта. Истребителей прикрытия немцы с ними не посылали: в воздухе им было некого бояться. Зенитки в расположении полка были, но недолго. Две их батареи «юнкерсы» сравнивали с землёй, разменяв на один свой самолёт. И оставшаяся девятка резвилась безнаказанно.

Пока не прибежал (а на последних десятках метров – приполз) Сергей.

Под бомбёжкой он был впервые, но не растерялся и в панику не впал. Во-первых, один раз он уже, возможно, умер – иначе как его сознание попало в другое время или параллельный мир? И тогда, возможно, и здесь смерть не будет окончательной. А если он у себя на родине не умер, тем более есть возможность вернуться в случае чего. Но это разумные аргументы, которые не очень помогают от паники, ко-

гда на тебя падает самолёт с бомбами, снабжённый специальной сиреной. (Вообще-то, предназначенной для оценки пилотом скорости пикирования по тону звука, но и оказывающей сильное психологическое воздействие). Во-вторых, убегая вслед за вестовым, он, на мгновение обернувшись, видел, как один из «юнкерсов» сбросил бомбы на землянки лазарета. Правда, эти не попали, но ведь гады не остановятся, пока не прикончат Екатерину! Так что у него появился личный мотив воевать, напрягая все силы. На Сталина ему было плевать (не вслух, разумеется), а на симпатичную медсестру – нет! Собственно, его мотивация не так уж отличалась от мотивации остальных. Все они воевали не только за Сталина, но и за какую-нибудь Катюшу. Чтобы она могла выходить на берег и песню заводить.

Но не впасть в панику мало. Надо ещё сообразить, как с помощью винтовки вывести из строя лапотника. Машина не сильно бронированная, очень уязвимая для истребителей, Недаром у них были большие потери при налётах на Англию. И недаром после первого года войны их стали модернизировать, увеличивая толщину бронирования. Ястребков, увы, не наблюдается... а если бы прилетели, у немцев на это свои истребители есть... Но из винтовки его броню и сейчас не пробить. А что, если попасть во взрыватель бомбы? Он довольно большой, весит, кажется, около килограмма... Да, но он боковой, расположен где-то в трети длины от хвоста бомбы. При пикировании самолёта на стрелка бомбы располо-

жены к нему носом, во взрыватель не попасть. Что ж, для начала можно отстреливать сбоку тех, кто пикирует на кого-то другого, в частности, на медчасть! Стоп, а где винтовка?..

– погоди! – закричал он вестовому. Кричать среди воя самолётов и взрывов бомб приходилось очень громко. – Куда мы бежим-то?

– К майору! – крикнул сержант.

– Зачем?!

– Чтобы он приказал тебе что-то сделать с самолётами! Раз ты танки взрываешь!

– Глупо! – закричал Сергей. – Раз он тебе уже дал приказ относительно меня, и ты его передал, зачем бежать за подтверждением? Каждая секунда на счету! Где моя винтовка? Когда меня в медчасть отправили, куда её дели?

– Не знаю!

– Но и комполка вряд ли знает! Комвзвода нужен!

– Он в окопах, а комполка в штабной землянке или на НП возле неё! Ближе!

Хорошее оправдание трусости. Примерно как искать потерянные ключи под фонарём, когда потерял их в другом месте – потому что под фонарём светлее.

– Я не заставляю тебя в окопы лезть! Покажи примерно, куда!..

Богданов оказался в окопе примерно там, куда показал вестовой и дополз, даже, скорее, добежал на четвереньках по ходам сообщения Сергей. Младший лейтенант был жив и да-

же не ранен. И он знал, где винтовка снайпера. Она у него и была. Он сам пытался из неё стрелять по самолётам. Наверное, так и не поверил, что кто-то может стрелять (начиная с различения целей) настолько лучше него, и отнёс успехи Сергея на счёт какой-то супервинтовки, пробивающей танковую броню. Если бы!.. Но «юнкерс» он пытался сбить безрезультатно, само собой. Так что отдал винтовку – и ответственность с ней вместе – весьма охотно. После чего стал следить не столько за немцами, сколько за снайпером. Но, к счастью, нарвавшись в прошлый раз на поддержку Сергея начальством, с указаниями под руку не лез. Да и трудно было бы, посреди бомбёжки. Спокойно можно было бы сделать вид, что ничего не слышишь. А полезть отнимать винтовку, чтобы заставить себя выслушать – это уже совсем подставиться под обвинение в диверсионной деятельности...

Когда штурмовиков осталось пять штук (из этой десятки пять, так-то Сергею за это время ещё пара лапотников попала, атаковавших соседей), они уверились, что по ним ведёт огонь какая-то очень хорошо замаскировавшаяся зенитка, причём с каким-то усовершенствованным боеприпасом, не дающим видимого разрыва снарядов в воздухе. Они попытались её найти, и Сергею стало полегче. Потому что про бомбёжку окопов они забыли, и не приходилось выцеливать боковой взрыватель бомб самолёта в стороне, когда на тебя как раз пикирует другой. Точнее, это тот, что в стороне, можно обозвать другим, когда на тебя падает с воем твоя персо-

нальная смерть...

Но и труднее стало, так как до обнаружения мифической зенитки они почти прекратили таскать бомбы вообще – только в начале каждого вылета, а так больше времени рыскали в окрестностях с пулемётами. И как их подбить, без бомбто? Стоп, а где у них бронирование? Сергей не помнил. Судя по ужасающему вою при пикировании, это был не первый Ю-87А, Антон, а второй, Ю-87В, Берта – начиная с них на стойках шасси появились крыльчатки, то есть воздушные сирены. Судя по тысячекилограммовым бомбам в начале налёта – если он может отличить их от пятисоткилограммовых – даже Ю-87В-2. И такие бомбы он мог тащить только без стрелка-радиста. С другой стороны, зачем ему стрелок, если отстреливаться не от кого... Как защищён этот самолёт, Сергей не помнил. Случайно помнил, что в результате модернизации в сорок третьем до Ю-87D-1, Дора, пилот и радист оказались защищёнными бронеплитами от четырёх до десяти миллиметров толщины в полу, по бокам кабины, спереди и на сиденьях. В фонаре спереди стояло бронестекло толщиной 50 мм. Скорее всего, тут тоже что-то подобное, но потоньше. Что всё равно не пробить даже его пулям с патефонными иглками. А вот фонарь сзади или сбоку можно попробовать. В конце концов, если пилоты разглядывают землю, определяя цели для бомб или пулемёта, то и их с земли можно увидеть...

Из оставшейся пятёрки штук он сбил два. Один – выстре-

лом в голову пилоту сбоку, другой – даже сзади, подловив на выходе из пикирования и наборе высоты в направлении от себя. Оставшиеся три улетели и больше не появились. Потери 70% машин оказали на немцев впечатление. Тем более, возможно, они поняли, что у четырёх из них (или у трёх, или у двух, если у всех этот момент не был зафиксирован) взорвались подвешенные под фюзеляжем бомбы. У одного самолёта такое возможно, как случайность, но больше, чем у одного?! Не подкладывает ли какой-то советский шпион, затесавшийся в аэродромную службу, мину, или просто лишний взрыватель вместе с бомбой? Или, скорее, какое-то простое устройство присоединяет к имеющемуся взрывателю. Нужно провести расследование, а пока прекратить вылеты, ясное дело. Тем более, это только данной группе авиации так не повезло.

На удивление, никаких танков на позиции полка не поползло. В атаку побежали обычные автоматчики. Все танки оказались на соседних участках фронта. Куда комполка тут же отправил своего снайпера, сперва к левому соседу – до него Сергею было рукой подать, так как он привычно ожидал танков на левом фланге позиций полка. А потом к правому. Тому совсем уже плохо приходилось, танки почти ворвались на позиции. Но в результате из них вообще ни одному не удалось уползти. Слишком далеко ползти было! А вот от левого соседа один спасся. Всё тот же номер 66, из-за которого Сергей познакомился с санитаркой-царицей. Так

что у него, собственно, и претензий к этому фрицу не было. Кроме обычных, которые ко всем им, старающихся убить и его Катюшу, и его самого, и всех, с кем он тут познакомился, включая подозрительного и потому не очень приятного в общении младшего лейтенанта – но это же не повод, чтобы его убивать!

Тем не менее на этот танк определённо следовало обратить особое внимание. Не сидит ли в нём его, Сергея, немецкий аналог? Только, с поправкой на гораздо большую механизированность немцев в настоящий момент истории, этот Фриц не при винтовке, а в танке? С другой стороны, если он такой же меткий, была бы у Сергея не контузия, а мелкие клочки бы от него остались. С третьей стороны, кто сказал, что Фриц именно снайпер? Может, он великолепно чинит и водит танк? Или вообще спец по добыванию для него горючего в любой ситуации? Впрочем, пока что у немцев с этим, вроде, всё в порядке... Да что там далеко ходить – он просто спец по уворачиванию от снайпера и сбережению танка. Ни разу пушку не подставил так, чтобы и в направлении Сергея, и с заряженным для стрельбы снарядом. В отверстие пушки-то он пару раз попал, да только как раз тогда там снаряда уже или ещё не было. С другой стороны, если и так, с такой увёртливостью и таким везением он рано или поздно Сергея убьёт. Просто случайно пальнёт из пушки или пулемёта, а то и задавит нечаянно. И конец миссии.

Впрочем, если Сергей правильно помнил, на этом участ-

ке фронта немцы и не должны были пока что прорваться. Так что – что он, собственно, сделал? Уничтожил сколько-то танков? Так, наверное, их бы так и так взорвали, не он – так бойцы бы сожгли бутылками с «коктейлем Молотова», ожидавшие приближения танков в окопах. Собственно, они и сожгли пару танков у правого соседа и один у левого...

Интересно, а кто бы посбивал самолёты, если бы их не сбил Сергей? Что-то кандидатов совсем не видно было. Подвезли бы зениток штук десять? Так давно бы подвезли, если бы были. Или у них просто запас бомб на аэродроме кончился бы? Соседей ведь тоже перестали бомбить с началом атаки, хотя он им не сильно против «юнкерсов» помог.

Скорее всего, пока что он никак не повлиял на линию фронта, только увеличил потери немцев и уменьшил потери наших...

* * * * *

Следующие несколько дней были совершенно сумасшедшими. Майор Глебов одалживал своего уже знаменитого снайпера всему бобруйскому (условно, так как до Бобруйска так и не дошли) фронту. Фронт никуда не двигался. Немцы контратаковали, но не продвигались. Отчасти потому, что им мешал Сергей. Но и наши не могли снова перейти в наступление и помочь Смоленску. Сергей мог отстреливать танки и самолёты, когда они пытались атаковать, но не мог сам на них эффективно напасть. Случайно повернувшийся заряженной пушкой в его сторону стоящий танк не в счёт

– их мало. Снайпер может работать только скрытно. Либо с очень хорошо замаскированной позиции, либо из общего окопа, но тогда на фоне стрельбы остальных солдат, служащей ему той же маскировкой. Идти в атаку в первых рядах он не может.

В итоге и наше, и немецкое командование получило приказ перейти к обороне. Другие направления были более важными, войска перебрасывались туда. Сергей ожидал, что и его вот-вот отнимут у майора Глебова и отправят на фронт уже не против южного фланга группы армий «Центр», а прямо на московское направление. Но вышло не так.

* * * * *

Он очнулся в темноте. Голова болела. Опять контузия? Пошарив вокруг, он обнаружил, что лежит у бревенчатой стены на полу, одетый в свою шинель. Не медчасть, определённо. Попробовал встать – удалось. Вовремя подхватил штаны – форма на нём была, но ремень из штанов исчез.

Помещение оказалось небольшим. Не комната, скорее, какая-то кладовка. Но никаких вёдер и швабр тоже не нащупал. Как и полук, даже пустых. Окон не было. Две стены были из брёвен, две из досок. Деревянную дверь нашёл, даже место, где на ней была раньше дверная ручка нащупал. Дырки от шурупов, две повыше, две пониже. Кладовка, которую специально старательно приспособили для содержания арестанта? О том же говорило и тщательное затемнение дверной щели, скорее всего, её специально обили чем-то снару-

жи, и обивка краями заходит на все возможные места просачивания света. Надо же, комполка живёт в землянке, а для арестанта нашлось помещение в избе. Правда, крохотное.

С чего он мог попасть под арест, Сергей не понимал. Разве что при аресте ему так дали по башке, что он забыл непосредственно предшествовавшие события. Нахамил, может быть, какому-нибудь генералу, прибывшему с инспекцией, и начавшему особенно идиотски распоряжаться дальнейшими действиями снайпера, и привет. Голова болела и кружилась, так что Сергей лёг опять. Холодно не было, так что шинель он снял и подстелил уже двойным слоем. А из рукавов сымпровизировал мини-подушку...

В следующий раз он проснулся от ударившего в лицо света керосиновой лампы. Хорошо смазанные дверные петли не скрипели, так что дверь открылась беззвучно. Навестили его трое, лиц он не разглядел. Двое стояли вне помещения, один с пистолетом, другой с лампой, третий вошёл и поставил на пол кружку с водой и положил – тоже прямо на пол – кусок хлеба. Ещё поставил жестяное ведро. Пустое, судя по звуку. Вышел и закрыл дверь. Никто не сказал ни слова. То есть Сергей успел спросить что-то вроде «что происходит?», но ему не ответили даже «не видишь, еду тебе принесли». Не говоря уже об «вы под арестом за то-то и то-то».

Когда дверь закрылась, Сергей обнаружил, что никакой специальной обивки для создания темноты на двери нет. Просто в первый раз была ночь, и темно было и в помеще-

нии, к которому примыкала его кладовка. А теперь контур двери слабо светился. Но поглядеть в щель не получилось. Коробка двери была так устроена, что везде за щелью была деревяшка. Впрочем, какая разница, что там за помещение? Не собирается же он бежать из-под ареста, подтверждая неведомую вину. Лучше поспать. За недосып и впрок. Всё равно и сделать ничего нельзя, и волноваться незачем. Ничего такому ценному снайперу не сделают. Командование не позволит.

Так прошло три дня. То ли более важные дела у арестовавшей его инстанции были, то ли это было психологическое давление. Не особо сильное. Если бы вместо темноты непрерывно яркая лампочка горела, было бы хуже. Или если бы вместо предоставленного одиночества его бы били всё время. Похоже, гражданин начальник сам не уверен в правильности своих действий, вот и не применяет всё, что мог бы. Или такие методы на гражданке применяются, а на фронте – нет? Или у начальника нет сомнений, что он всё и так подпишет, потому и бить незачем? Что касается лампочки, то электричества, может, не подвели в эту избу, а давать арестованному доступ к керосиновой лампе опасно.

На четвёртый день всё же состоялся допрос.

* * * * *

Никуда далеко его не повели. Для допроса всё организовали в комнате, к которой его кладовка примыкала. Поставили стол, стул за ним и что-то вроде табурета перед ним,

по краям стола две лампы. Светить в лицо допрашиваемому они направлены не могли, но всё же освещали больше его, чем допрашивающего – для него они на краю поля зрения были. Он их специально на своём краю стола поставил, а сам вперёд наклонился, чтобы его голова почти между ними была. Ещё у него за спиной окно было, но оно было маленькое и мало света давало. Снаружи было пасмурно. И дождь шёл.

Его посадили на табурет перед столом допрашивающего. Собственно, не табурет, а деревянный чурбак. Стол тоже был самодельный – дощатый щит на неокорённых палках в качестве ножек. А вот стул у допрашивающего был, кажется, нормальный, промышленного производства. Впрочем, его было плохо видно.

Никаких наручников не нацепляли, но сзади встали двое бойцов. Представляться ему человек за столом не стал, но ясно было, что это особист. Будущий СМЕРШевец, так сказать. Он опросил Сергея по поводу его ФИО, звания и места службы, записал всё в протокол и сделал выжидательную паузу.

– Ну что, боец, – сказал он, наконец, видя, что Сергей не торопится ни возмущаться своим арестом ни за что, ни просить прощения неведомо за что, ни пытаться какие-то вопросы задавать, – будем сами во всём чистосердечно признаваться, чтобы облегчить участь, или будем усугублять вину запирательством?

Сергей затруднился с ответом. Признаваться непонятно в

чём он не мог, даже если бы хотел, а признавать, что хочет усугублять вину, тоже резона не было.

– Молчим, значит, – удовлетворённо сказал особист. Ну да, его вопрос и был рассчитан на то, что на него ответить не удастся. Вот он и доволен.

Особист пошевелился, и Сергей разглядел блеснувшие в свете ламп петлицы его формы. Два прямоугольника. Майор, как его комполка. Интересно. Обычно звания в НКВД ниже, чем в армии. Типа, «мы такие, у нас сержант может обычного майора арестовать!». Но в связи с убылью командного состава в армии в ходе боёв звания примерно сравнялись. Надо полагать, это их полковой особист – вряд ли его уже отправили куда-то выше.

– А вот зря ты молчишь, гражданин боец, – доверительно сказал он. – Хочешь сказать, что не знаешь, в чём признаваться, ведь так? Ты это своим молчанием уже сказал. И зря. Почему зря? потому что это означает, признаваться тебе надо не только в том, за что тебя арестовали, а в чём-то ещё. Может быть, во многом чём-то ещё. Вот ты и хочешь сперва узнать, в чём тебя обвиняют, чтобы только в этом признаваться, а остальное скрыть от карающего меча правосудия Рабоче-Крестьянской Красной Армии в лице соответствующих органов.

– Никак нет, – возразил Сергей, – я ни в чём не признаюсь не потому, что его много, а потому, что не в чем.

– Ага, – сказал майор ещё более довольным голосом. – То

есть ты хочешь обвинить нас в том, что мы ни за что арестовываем людей. Очень интересно. Оскорбление при исполнении, вот как это называется. Давай-давай, накручивай счётчик. На штрафбат ты ещё не накрутил, но уже близок к этому. Что ещё скажешь?

– До ареста, – сказал Сергей, – я был на фронте неделю, из которой один день с контузией в медчасти. Итого шесть дней участвовал в боях. За это время уничтожил две батареи, двадцать восемь пикирующих бомбардировщиков и сто восемьдесят шесть танков. Под арестом вы меня продержали, если я правильно оценил время, трое суток. Чем, выходит, сэкономили фрицам приблизительно одну батарею, четырнадцать бомбардировщиков и девяносто три танка. Затрудняюсь оценить, жизни скольких советских бойцов забрали эти недобитые фашисты за эти три дня. И ещё заберут, если я останусь тут. Плюс каждый день этот счёт недобитых фашистов будет расти. И счёт убитых ими наших бойцов тоже. И счёт фашистов, недобитых уже убитыми нашими бойцами. И счёт наших бойцов, убитых уже этими фашистами. И так далее. Не знаю, в чём вы меня обвиняете, кроме оскорбления при исполнении, но прикиньте, стоит ли одно другого? Может, лучше я продолжу воевать, а вы – искать настоящих шпионов?..

На удивление, майор возражать ему не стал. То ли и впрямь задумался о цене очередного звания, которое ему могли присвоить за прилежную службу, хотя это вряд ли. То

ли решил перестроить план допроса наглого арестанта. Так что майор просто мотнул головой на дверь, и стоявшие сзади бойцы взяли Сергея за локти и затолкали в ту же кладовку. Стучать в дверь или кричать через неё он не стал. Пусть майор подумает. Приведённые цифры ведь не только они с ним знают.

* * * * *

Второй допрос состоялся в тот же день. Возможно, майор даже никуда не выходил, так и сидел за столом, думал. Наверное, совмещая с обедом: теперь на столе стояли миска и кружка. И пахло кашей с тушёнкой. Наверное, специально оставил, как дополнительный рычаг давления. Дескать, скорее сознаешься – скорее на нормальное питание переведём. Но вслух этого не сказал.

– Раз уж ты так искущён в дешёвой демагогии, гражданин боец, – сказал майор, когда Сергея опять усадили на чурбан перед его столом, – что, кстати, тоже весьма подозрительно насчёт твоего происхождения из эксплуататорского класса... давай попробуем порассуждать вместе. Вот у меня есть материал из органов разведки. Люди жизнью рискуют, находясь среди злейшего врага, чтобы их получить, так что, сам понимаешь, сама информация, что у нас они есть, вынудит меня принять к тебе меры повышенной секретности. Потому что они ценнее всего твоего счёта немецких потерь от твоей богатырской руки, в котором лично я сильно сомневаюсь. И вот почему. В них говорится, что советский снайпер исклю-

чительной меткости – немецкий проект. Успехи твои липовые, все эффектные взрывы, которые якобы обеспечиваются твоей стрельбой, делают сами немцы в согласованное с тобой время. Цель понятная. Получив скандальную известность, быть затребованным в Москву, в охрану товарища Сталина, и устроить там покушение на его жизнь. Остаётся установить способ твоей связи с немцами, и способы синхронизации времени взрывов и твоей стрельбы в сторону немцев. Возможно, никакой синхронизации и нет. Может, у тебя такая хорошая реакция, что ты раньше всех замечаешь, что данный танк или самолёт подбит нашими бойцами, и быстро наводишь на него свою винтовку, после чего восклицаешь: «Готов!». Вот тут у меня, – он взял со стола другой листок, – свидетельство покровительствующего тебе майора Глебова, командира твоего полка. Так он, наряду с просьбой о скорейшем возвращении тебя в строй, не скрывает, что стрелять по команде для демонстрации своих возможностей ты отказался, приведя правдоподобный аргумент, почему ты так не сможешь. Этому эпизоду были свидетелями также замкомполка капитан Владимиров и комвзвода младший лейтенант Богданов. У меня их показания также зафиксированы. Товарищ Богданов также докладывает, что ты подбивал его обманывать командиров, совершать без их ведома самовольные действия, выдавал за свои якобы наблюдения целей невнятные пятнышки, хвастался своими заведомо невозможными снайперскими умениями, причём на упрёк в этом товарища

комполка не возразил, в качестве обоснования своего хвастовства рассказывал анекдоты сомнительного свойства, о том, как избежать мобилизации в армию, возводил на командиров напраслину, обвиняя их в сговоре с фашистами, выражающемся в том, что они сомневаются в твоей меткости и хотят доказательств, что, якобы, снижает потери фашистов... вот примерно как на предыдущем допросе в том же обвинял особый отдел в моём лице... угрожал в случае дальнейших в тебе сомнений подать рапорт о переводе в другой полк, надо понимать, с изложением в рапорте тех же вздорных демагогических обвинений, так что товарищ майор Глебов даже сделал тебе замечание, чтобы ты не наговорил лишнего. Видимо, он в тот момент уже был убеждён в твоей полезности, хотя ты ещё никаких доказательств этого не привёл. Потянув как следует время, ты всё-таки соизволил произвести выстрел в направлении немецких позиций, и там что-то взорвалось. Как я уже отмечал, это легко организовать, заранее согласовав время. Для чего, возможно, ты его и тянул. Потом плёл что-то в высшей степени неправдоподобное, что можешь попасть танку в дуло орудия. Проявив при этом подозрительные знания тактико-технических данных немецкого танка. Во-первых, слишком точные, во-вторых, преувеличенные. Возможно, для создания панических настроений. Приписывал себе заслугу откладывания немцами попытки наступления, которая, впрочем, отложена не была и состоялась в тот же день. Ну а затем, пользуясь, что май-

ор Глебов приказал младшему лейтенанту от тебя отстать, ты просто приписывал себе все подбитые танки и самолёты врага. Ладно-ладно, не все, – успокаивающе поднял он ладонь, заметив, что Сергей хочет что-то возразить, – но подавляющую их часть. – Он помолчал. – На прошлом допросе ты упоминал медчасть, в которой оказался в результате то ли контузии, то ли изображая контузию, это теперь неясно. Во всяком случае, ранен не был, но день отдыхал и ухаживал за медсестрой Егоровой. Хорошо ещё, не стал себе приписывать немецких потерь в этот день, между тем бойцы, бросая из окопов бутылки с коктейлями Молотова, сожгли не меньше танков, чем в те дни, в которые ты стрелял, якобы по танкам. Или ненамного меньше. Медсестра всячески за тебя заступается, контузия, де, была самая настоящая... Видимо, ты своей демагогией произвёл на неё сильное впечатление... Что само по себе подозрительно, если ты был серьёзно выведен из строя, то как мог одновременно производить какое-то впечатление? Но, будучи допрошена, не скрыла, что ты знаешь детали дореволюционной истории господствующего эксплуататорского класса аристократии, сравнивая её с какой-то царицей, якобы её тёткой. Возможно, сделал это специально, чтобы проверить своё на неё влияние. С целью в дальнейшем пользоваться её услугами в случае необходимости не участвовать в какие-то моменты в боевых действиях, когда немцами не подготовлена возможность демонстрации твоих якобы успехов. Вообще-то я хотел тебя допросить

прямо в медчасти, потому что рапорт младшего лейтенанта Богданова у меня уже был. Но ты что-то заподозрил... очень интересно, на основании какой информации... и поспешно принял участие в боевых действиях, даже не отпросившись у доктора Жданова-Желанова, о чём он тоже подал рапорт по команде. Что ты теперь скажешь?

– Извините, товарищ майор, – сказал Сергей, – но у вас концы с концами не сходятся. Потому что вы приводите только аргументы против меня, и не приводите аргументы за. А они ведь нуждаются в объяснении. А в вашу картину не вписываются. Тому, как я подбивал танки и самолёты, было много свидетелей, а вы выбрали только показания Богданова, который в этом сомневается. А что тут сомневаться, мою меткость очень легко проверить. Надо только взять в качестве мишени не танк у немцев, а, скажем, тот же немецкий танк, но горелый, у нас. Я отойду от него на такое же расстояние, какое было до немецких танков, и попаду ему в дуло орудия. Там можно поместить перед тем мишень, вместо снаряда. Тогда можно и наш танк привлечь. А если горелый немецкий, то можно и снаряд в нём зарядить в орудие для наглядности. То же и с самолётом. Взять авиабомбу, поместить на неё мишень, изображающую её взрыватель, и я в неё попаду. Или, для более убедительного показа, взять настоящую, и я её взорву. Тогда будет понятно, что я не только могу попасть в такую мишень, как взрыватель бомбы или снаряда в дуле орудия танка или в ящике на позициях батареи, но и при по-

падании они взорвутся. Правда, тогда больше мер безопасности придётся взять, чем в случае с бумажной мишенью, чтобы никто не пострадал, так что проверка получится более масштабная. Так что сомнения товарища Богданова в моей меткости легко проверить. Ну и свидетельские показания товарищей, наблюдавших, как я стреляю и тут же взрывается танк или самолёт, вам надо было бы собрать и объяснить, чтобы не получилась однобокая версия, как сейчас.

– Не учи меня делать мою работу, а то я обижусь, и тебе это не понравится, – предупредил майор. – Ладно, допустим, провели испытания и убедились, что ты такой меткий. А как тогда ты объяснишь данные разведки?

– Откуда мне знать? – сказал Сергей. – Тут только гадать можно. Во-первых, вы сперва сами посмотрите, в этих данных написано «советский снайпер исключительной меткости», как вы прочли, или там есть какие-то указания именно на меня? Фамилия, или хотя бы участок фронта?.. Работа у разведчиков очень сложная. По краю ходят. Иногда их, к сожалению, на чём-то ловят и арестовывают. А иногда, наверное, специально не арестовывают, а подсовывают ложную информацию, чтобы максимально очернить наиболее вредных для фашистов наших товарищей и уничтожить их нашими же руками. В данном случае это вполне может быть выстрел наугад, для очернения любого меткого снайпера. Что это именно я, вы сами решили, получив рапорт Богданова. Который, правда, совсем не считает меня метким, а считает

хвастуном и фальсификатором. Но уж кто-кто, а фашисты, наверное, счёт своих потерь знают. И обязаны противодействовать.

– Хитё-ор, – уважительно протянул майор. – Значит, предлагаешь данным разведки не верить, а верить тебе?

– Почему – верить? Не надо верить, проверьте.

– А как ты тогда объяснишь обвинения товарища Богданова? Какой фашист его ввёл в заблуждение? Может, он тоже на них работает? Специально тебя обвиняет, чтобы лишить войска замечательного такого снайпера? Может, мы тут тоже на фашистов работаем, а? Ты говори, говори, не стесняйся.

– Богданов не смог даже после моих объяснений увидеть в стереотрубу край ящика со снарядами на немецких позициях. И обиделся. Это послужило причиной его ошибки на мой счёт. Он просто стал очень пристрастно ко мне относиться. И всё истолковывать против меня. А вы тоже ошибаетесь, потому что нацелены искать всё подозрительное, вот ему и верите. А комполка Глебову и всем свидетелям, показания которых даже не стали собирать, не верите. А можно легко проверить.

– То, что ты такой меткий, – сказал майор, – ещё не докажет, что ты не заговорщик и не немецкий шпион. Это только делает тебя более опасным заговорщиком и шпионом. И то, что ты такой хитрый, тоже.

– Ну, – возразил Сергей, – это, по крайней мере, сняло бы все версии о том, что я с немцами как-то договаривался

о времени и они взрывали собственные танки и самолёты в тот момент, как я в них стрелял. Больно сложные версии. У меня и часов-то нет, между прочим. И не слишком ли велика цена для немцев, чтобы убедить вас в том, что я – хороший снайпер? Столько танков и самолётов?

– Не слишком, – буркнул майор. – Если цель – товарищ Сталин...

– Да, но если мою меткость так легко проверить, зачем для этого взрывать танки и самолёты?

– Не знаю! – взорвался майор. – И это меня больше всего нервирует. Тут какой-то грандиозный заговор, какой не с моими силами вскрывать. Но содействовать тебе и устраивать всякие испытания я не хочу! Я ещё не всё тебе сказал про показания. Немного оставил про запас. После того, как я не сумел тебя допросить в медчасти, а доктор показал, что ты сбежал оттуда, не отпросившись у него, якобы по случаю срочной надобности на фронте, майор Глебов всячески тормозил моё расследование, опять же, в связи с твоей повышенной востребованностью в полку. Якобы. Я даже думаю, что он в этом заговоре не последний человек. В связи с этим, возможно, следует переоценить и цели заговора. Может, ты и не целился в товарища Сталина, а всего лишь обеспечивал майору Глебову славу открывателя твоего таланта и, так сказать, владельца убойного оружия в твоём лице, которое он может одалживать по-дружески всем знакомым командирам. Возможно, за какие-то взаимные услуги. Или безвозмездно,

с целью приобрести влияние на них и организации враждебной подпольной военной организации. Каких мы много разоблачили перед войной. Если ты дашь показания, которые позволят мне обосновать такую версию, могу тебе обещать вывести тебя из-под удара. Как искренне сотрудничающего со следствием.

Ага, – подумал Сергей, – как же, верю. При наличии данных разведки? И приписанном мне намерении устроить покушение на Сталина? Правда, неизвестно, какие у него там данные разведки. Он мог их и придумать, чтобы меня запугать. Или не чтобы запугать, а на случай, вдруг и правда, а я возьму и сознаюсь, под впечатлением, что ему всё известно. Выстрел наугад. А я не признался. Плохо, если он о своих параноидальных догадках успел сообщить по команде, тогда ему от них отказаться трудно... Во всяком случае, понятно, что верить ему нельзя, и комполка сдавать ему нельзя, какие бы там показания он ни предъявлял. Вот что Богданов написал рапорт, можно и поверить. Остальное он придумал или, по крайней мере, перетолковал.

– Молчишь? – подтолкнул его майор. – А зря. Хочешь, наверное, сказать, что гражданин Глебов ни в каком заговоре не участвует? Тоже зря. Потому что такое ты можешь утверждать только в том случае, если ты сам в нём участвуешь, и там где-то на руководящих ролях. Тогда тебе может быть достоверно известно, что в списках заговорщиков гражданин Глебов не значится. И то это без учёта того возможного об-

стоятельства, что он значится в каком-то другом списке заговорщиков, не пересекающемся с твоим. Если может быть один заговор, твой, то почему не быть и другому, притом вы друг о друге не знаете? Так что даже и так ты не можешь уверенно утверждать, что он ни при чём. Но попытка такое утверждать, хотя и не докажет, что он ни при чём, всё же станет аргументом в пользу того, что тебе кажется, что ты можешь так сказать, стало быть, сам-то точно при чём.

– А вдруг никакого заговора нет? – спросил Сергей. – Вы же понимаете, что с логикой типа «докажи, что ты не верблюд» честному человеку невозможно оправдаться? Задумайтесь, чем вы тогда занимаетесь?

– Ну вот, опять, – огорчился особист. – Думаешь, ты умный такой? На предыдущем допросе меня обвинял в наносимом вреде, что я тебя от военных успехов отвлекаю, и тем гублю наших бойцов руками недобитых тобой фашистов, теперь опять то же самое с другой стороны. Вроде схитрил, сказал, что это я честно ошибаюсь, и вот опять такие обвинения... Как же нет заговоров, когда вместо «малой кровью, могучим ударом» мы только и делаем, что отступаем? Когда в руководстве войсками бардак, в снабжении тоже, всё наперекосяк? И нет заговоров?! Как ты тогда объяснишь всё это?

– Да вы сами лучше всех можете объяснить, – сорвался Сергей, – только не хотите такого объяснения! Сами же перед войной из-за шпиономании лишили армию львиной доли командного состава, а ответственность на неспособность

армии сдержат немецкое наступление возлагаете на то же самое наличие в армии множества немецких шпионов. Которых ловить полагается не только органам, но и всем поголовно. А кто слабо ловит или выражает недоверие, рискует оказаться в числе тех самых шпионов. Всем известна история с товарищем Коневым, который, выступая на митинге одного из полков его дивизии, сказал: «Надо помнить, что шпионов, диверсантов, – по указанию товарища Сталина – в нашу страну будет засылаться в два-три раза больше, чем в капиталистические страны». Коневу было указано на его оговорку, и он выступил вторично, исправив свою ошибку...

– Погоди-погоди, – прервал его майор. – Ты очень интересно говоришь, я прямо записывать не успеваю... Но тут я не понял. В чём ошибка-то?

– А, вы эту историю не знаете? Следовало сказать: «как указывал товарищ Сталин». Не «по указанию товарища Сталина», а «как указывал товарищ Сталин».

– А какая разница? – затупил майор. – Это же одно и то же.

– По указанию – можно неправильно понять, что шпионы будут засылаться по указанию товарища Сталина. Конечно, никто так не подумает, и никто не подумает, что товарищ Конев специально так оговорился. Несмотря на это, он послал заявление в ЦК ВКП(б) с покаянием по поводу допущенной ошибки. Коневу повезло: он оказался среди совсем немногих среди высшего командного состава, кого не репрессиро-

вали в ходе предвоенной чистки. Но мне про это известны только слухи, а вам – из первых, так сказать рук. Почему вы и видите всюду заговоры. Не можете же вы признать, что сами во всём виноваты.

– Хитё-ор, – снова протянул поражённый майор. И задумался. Очевидно, такая версия причин поражений Красной Армии ему и в голову не приходила, а теперь он вдруг понял, что она вполне возможна!

Ничего себе, – подумал Сергей. – Неужели среди работников будущего СМЕРШа есть разумные люди?

– Иди, – сказал вдруг майор. – Верните товарищу Стрелкову ремень и солдатскую книжку. Иди и воюй, а испытания твоей меткости мы обязательно сделаем. И запротоколируем. И корреспондентов пригласим. Ты иди, а я подумаю над тем, что ты сказал.

Сергей, улыбаясь, забрал ремень и документы и вышел.

А майор, тоже почему-то улыбаясь, вышел вслед за ним и, убедившись, что в их сторону никто не смотрит, выстрелил ему в затылок.

– При попытке к бегству, – сказал он сам себе. – Так-то лучше. А то испытания какие-то...

* * * * *

К обвинениям, собранным особистом, в сговоре с немцами, ошеломительной афере с участием комполка и намерении в довершении всего совершить покушение на товарища Сталина, позже добавилось ещё одно. Посмертно. Сер-

гей специально своими возмутительными речами спровоцировал майора, чтобы быть арестованным и отправленным в тыл. Чтоб избежать дальнейшего пребывания на фронте. То есть в его грандиозный замысел входило, кроме всего прочего, использование полкового особиста в личных целях дезертирства. А за дезертирство в военных условиях так и так положен расстрел. Всё прочее можно вообще не рассматривать.

Конечно, зря он не сдержался и стал доказывать энкаведешнику, что именно НКВД виновато в поражениях Красной Армии в начале войны. Подразумевая «паранойя товарища Сталина виновата» и т.д. Для него эта мысль была очевидной, а для любого советского человека этого времени – полностью расходилась с менталитетом и воспринималась как очевидная клевета, которую и оценивать на правдоподобность смысла нет. С другой стороны, участвовать в боевых действиях при уже имеющихся обвинениях он всё равно вряд ли продолжил бы. Разве что, при снятии большинства обвинений, в штрафбате. И не со снайперской винтовкой.

Осталось неизвестным, были всё-таки немецкие данные, доставленные разведчиками, или их придумал майор Захаров для запугивания допрашиваемого. В немецких архивах они не фигурируют, но могли и не сохраниться. Если были, то, скорее всего, они были организованы как утечка данных немецкой контрразведкой с подачи командира экипажа танка № 66. Сам этот танк продолжал проявлять повышенную

живучесть, и её хватило, чтобы уцелеть под Сталинградом. А вот на Курскую дугу уже не хватило. Так что он тоже ход войны изменить не смог.

* * * * *

Делая шаг из двери избы особиста неожиданно отпущенный Стрелков вдруг припомнил по непонятной ассоциации, что девичья фамилия его бабушки Кати была, кажется, Егорова. Не очень точно: родив его мать, она успела вернуться на фронт и погибла. А девичья фамилия его матери была Богданова-Захарова. Которую она при заключении брака с его отцом пыталась поменять на Богданова-Захарова-Вепрева, но в ЗАГСе не согласились на тройную фамилию. Так что она стала Вепревой. Эту историю ему родители рассказывали. Таким образом, можно подозревать, что он, во-первых, внук так понравившейся ему медсестры. И чуть было не стал сам себе дедушкой. От чего его уберёт донос младшего лейтенанта Богданова, спасибо ему за это огромное. Кстати, вероятно, это он – его дедушка. А Захаров кто такой и откуда взялся? Ха, да это же, наверное, не представившийся ему майор-особист. Тип он несимпатичный, зато человеку на такой должности трудно отказать. Так что, возможно, дедушка как раз-таки он. И благодарить нужно его...

Сергей, не оборачиваясь, откуда-то понял, что сейчас произойдёт.

Дальше он додумать не успел. Со всех сторон на него, двигаясь плотной изогнутой в круг шеренгой надвинулись

немецкие танки, сплющиваясь со страшным скрежетом по мере приближения, но продолжая упорно ползти. Всё небо заняли пикирующие бомбардировщики. Кроме скрежета сминаемого металла, слух забил рёв танковых дизелей и вой самолётов. А у него нет в руках винтовки, чтобы выбить хоть одного! Затем всю нижнюю часть поля зрения заполнили летящие в него снаряды, а верхнюю – падающие на него бомбы. Слух же вообще отключился. Картинка рассыпалась на не связанные между собой геометрические фигуры и пятна трёх цветов, красного, красно-жёлто-зелёного и красно-сине-фиолетового. Они кружились и делались всё ярче, пока вдруг не погасли. Из чувств остались боль, жажда, удушье... и сожаление о напрасно прожитой жизни. Потом они стали быстро, одно за другим, исчезать. Желание вдохнуть воздух оставалось последним.

* * * * *

Сергей Вепрев дёрнулся и проснулся в испуге. Мир был каким-то перекошенным. Болели левая щека, ухо и висок, лежавшие на чём-то жёстком, свёрнутая набок шея и сгорбленная спина. Он поднял голову, понимая, что опять заснул за компом, сражаясь с «1С-Бухгалтерией». И, наверное, уронил голову на клавиатуру.

В конторе было тихо, только гудел и побрякивал кондиционер и за окном газовал, преодолевая подъём их нелепой улицы, обрамлённой, в основном, заборами складов, очередной припозднившийся автомобиль. Наверное, он его и раз-

будил.

Больше в комнате, да и во всём помещении фирмы никого не было. Все остальные давно разошлись, привычно оставив бухгалтера на работе.

Иногда Сергею казалось, что программисты «1С-Бухгалтерии» специально насовали в программу баги в неожиданных местах, чтобы ему досадить. Но он понимал, что они тут ни при чём. Просто не справляются с темпом изменений, вносимых чиновниками в правила бухгалтерского учёта. Так же, как не успевает в полном объёме освоить их он сам. А вот зачем чиновникам все эти бессмысленные изменения, он себе и представить не мог. Ведь количество отчётов, посылаемых наверх, давно превосходит возможности любой проверки. То есть, получается, их вообще никто не читает. Разве что выборочно, когда происходит нацеленное на кого-нибудь следствие с обвинением в хищениях. Которые можно смело выдвигать против любого, кто что-то бухгалтерское оформляет. Ошибки наверняка найдутся. А где ошибки, там и обвинения. Может, для того всё это и устроено?..

Он поднял голову, повернул её влево до отказа, чтобы избавиться от боли в шее, и осторожно прикоснулся кончиками пальцев к щеке, ожидая нащупать вдавленные клеточки от клавиатуры. Но нащупал какие-то прилипшие... иголки? Часть их от прикосновения отвалилась и с тихим шорохом посыпалась ему на рубашку. Действительно, клавиатура стояла ребром, прислонённая к монитору, а на её месте были

рассыпаны по столу патефонные иголки. Сбоку лежал молоток. Патронов, к счастью, не наблюдалось. Не хватало ещё отстреливать чиновников из снайперки, как фашистов. Это был явно привет из сорок первого.

Но как? Ведь переносилось только его сознание. Или не только?.. А тогда как он вернулся?..

* * * * *

Короче говоря, несчастный попаданец провёл на фронте всего десять дней, считая время ареста и время в медчасти. Если их не считать – шесть дней. Нанесённого немцам урона не хватило для существенного изменения хода Великой Отечественной войны. И для романа в жанре «Попаданцы» материала не набралось. Только для рассказа.